

Агенты памяти

Как разворачивается политика «исторической правды»: кто авторы, а кто акторы

Фото: Агентство «Москва»

12:10, 28 февраля 2026,

Алексей Семенов-Труайя

социолог

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Эта публикация продолжает цикл статей социолога Алексея Семенова-Труайя о феномене памяти и попытках государства поставить его себе на службу.

Москва, декабрь 2021 года. Здание на Каретном Ряду, где больше тридцати лет работал «Мемориал»*, печатают судебные приставы. Организация, собиравшая имена жертв репрессий, ликвидирована по решению Верховного суда. Формальная причина — нарушения в маркировке публикаций «иноагента». Но почему закрытие одного НКО вызвало такой международный резонанс? Почему тысячи людей вышли к зданию суда с табличками «Спасибо»?

Ответ лежит не в юридической плоскости. Закрытие «Мемориала» — это изменение баланса сил на поле памяти. Организация была не просто архивом. Она была *игроком*, способным оспаривать государственную монополию на интерпретацию прошлого. Ее ликвидация — часть большой игры, где ставка — право говорить от имени истории.

Чтобы понять эту игру, нужно разобраться: кто вообще в ней участвует? Кто пишет учебники и ставит памятники? Кто хранит семейные истории и создает альтернативные архивы? И главное — почему одни голоса звучат громче других?

Когда человек становится агентом

Вспомним первую статью (ссылка): поле памяти — это пространство силовых линий, где сталкиваются конкурирующие версии прошлого. Но силовые линии не возникают сами по себе. Их создают люди. Точнее — люди в определенных ролях.

Петр Иванович работает учителем истории в московской школе. Каждое утро он заходит в класс и открывает учебник,

написанный не им. Программа спущена сверху, экзаменационные вопросы утверждены министерством. Петр Иванович знает: в архивах есть документы, которые противоречат параграфу про коллективизацию. Он читал мемуары раскулаченных, видел цифры смертности. Но на уроке он говорит то, что написано в учебнике.

Кто Петр Иванович в этот момент? Он — **агент**. Представитель института (школы), проводник государственной политики памяти. У него есть властный ресурс — оценка, возможность влиять на сознание подростков, тиражировать определенную версию прошлого. Он действует не от своего имени, а от имени системы.

Вечером Петр Иванович приходит домой. За чаем внук спрашивает: «Деда, а правда, что прадеда раскулачили?»

И тут Петр Иванович рассказывает другую историю. Ту, что передал ему отец. Без цензуры, без оглядки на учебник. Он говорит о несправедливости, о том, как забирали хлеб, как угоняли в товарняках. В этот момент он уже не агент.

Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

Он — **актор**, носитель семейной памяти, человек, защищающий право своей семьи на собственную версию прошлого.

А по выходным Петр Иванович пишет мемуары. Он пытается сплести воедино официальную историю и семейные рассказы, найти слова для того, что невозможно уместить ни в параграф учебника, ни в анекдот за столом. Он создает текст, где прошлое обретает новую форму. Здесь он — **автор**, тот, кто превращает разрозненные воспоминания в нарратив.

Три роли, один человек. И это не исключение, а правило. Мы все одновременно проводники чужих историй, носители собственных воспоминаний и создатели новых повествований. Вопрос только в том, какая роль в какой момент доминирует.

Агенты: голоса институтов

Агент — это не профессия и не должность. Это позиция в

структуре власти. Агентом может быть министр культуры, подписывающий указ о сносе памятника. Учитель, ведущий урок по утвержденному учебнику. Редактор государственного канала, выбирающий, какой исторический фильм выйдет в прокат к юбилею Победы. Даже священник, произносящий проповедь о «новомучениках» или, наоборот, хранящий молчание о репрессиях — тоже агент.

Что их объединяет? Институциональный ресурс. Агент действует не сам по себе, а от имени организации, которая дает ему полномочия и инструменты. Государство пишет учебники через Министерство просвещения. Церковь формирует религиозную память через проповеди и канонизацию святых. Университет создает научное знание о прошлом через гранты и диссертационные советы.

Владимир Мединский. Фото: Агентство «Москва»

Агенты государства — самые мощные игроки на поле памяти.

Возьмем конкретный пример. 2012 год, Россия. Президентским указом создается Российское военно-историческое общество (РВИО). Возглавляет его Владимир Мединский, в то время министр культуры. Бюджет — миллиарды рублей. Задачи — «популяризация военной истории», «патриотическое воспитание», «противодействие фальсификациям».

Звучит нейтрально. Но что происходит на практике?

РВИО начинает устанавливать памятники — Ивану Грозному в Орле, Александру III в Крыму, памятную доску маршалу Маннергейму в Петербурге

(последнюю, впрочем, демонтировали после возмущения горожан). РВИО финансирует исторические реконструкции, издает книги, снимает фильмы. Общество становится машиной по производству определенного образа прошлого — героического, державного, очищенного от «чернухи».

Почему это работает? Потому что за РВИО стоит административный ресурс. Их версии истории тиражируются, повторяются, становятся «общепринятыми». Не потому что они более доказательны, а потому что у них больше громкоговорителей.

Но есть нюанс. Агент силен, пока институт силен. Если институт слабеет, агенты теряют влияние. Вспомним 1991 год: за несколько месяцев рухнула мощнейшая машина советской пропаганды. Агенты КПСС, еще вчера диктовавшие правила игры на поле памяти, вдруг обнаружили, что их никто не слушает. Их символический капитал обесценился вместе с обесцениванием института.

Акторы: носители альтернатив

Если агенты говорят от имени институтов, то акторы — от имени групп. Иногда организованных, иногда — аморфных. Ветераны Великой Отечественной, потомки репрессированных, краеведы, национальные меньшинства, профессиональные историки — все они акторы поля памяти.

Их главное отличие от агентов — у них меньше ресурсов, но часто больше морального авторитета. Актор не может переписать учебник или приказать снести памятник. Но он может рассказать свою историю так, что она пробьет броню официальной версии.

Возьмем «Бессмертный полк». 2012 год, Томск. Группа журналистов запускает акцию: люди выходят на улицы с портретами родственников, воевавших в 1941–1945. Идея проста — персонализировать память о войне, вырвать ее из казенных рамок парадов и официальных речей.

Фото: Дмитрий Духанин / Коммерсантъ

Первые годы это движение снизу. Тысячи семей приносят фотографии, рассказывают истории. Прадед дошел до Берлина, прабабушка работала в тылу, дядя погиб под Сталинградом. Актеры семейной памяти создают альтернативу государственному нарративу — не противоречащую ему напрямую, но дополняющую, очеловечивающую.

Но к 2015 году государство видит потенциал. «Бессмертный полк» начинают организовывать сверху, интегрировать в официальные мероприятия, использовать в пропаганде.

Актеры не исчезают — они по-прежнему несут портреты. Но рядом появляются агенты, которые задают маршрут, расставляют акценты, превращают низовую инициативу в государственный ритуал.

Это классический пример того, как память становится полем борьбы. Актеры пытаются отстоять свой голос. Агенты пытаются его приручить, канализировать в нужном направлении.

Другой пример — «Мемориал». Здесь ситуация обратная. Организация создана в конце 1980-х как движение актеров — людей, чьи семьи пострадали от репрессий, историков, правозащитников. Их цель — собрать имена, восстановить правду, дать голос забытым жертвам.

Первые годы государство их терпит. В 1990-е «Мемориал» даже получает гранты, работает с архивами. Но по мере того как официальная политика памяти поворачивает к «великому прошлому», терпимость исчезает. Тема репрессий становится неудобной. «Мемориал» все чаще называют «иноагентом», его сотрудников преследуют. А в 2021 году организацию закрывают.

Почему? Потому что «Мемориал» был сильным актором, обладавшим символическим капиталом. У них был архив — сотни тысяч имен. У них была методология — научная, проверяемая. У них был моральный авторитет — люди верили их версии прошлого больше, чем государственной. Такой актер опасен для агентов, стремящихся к монополии.

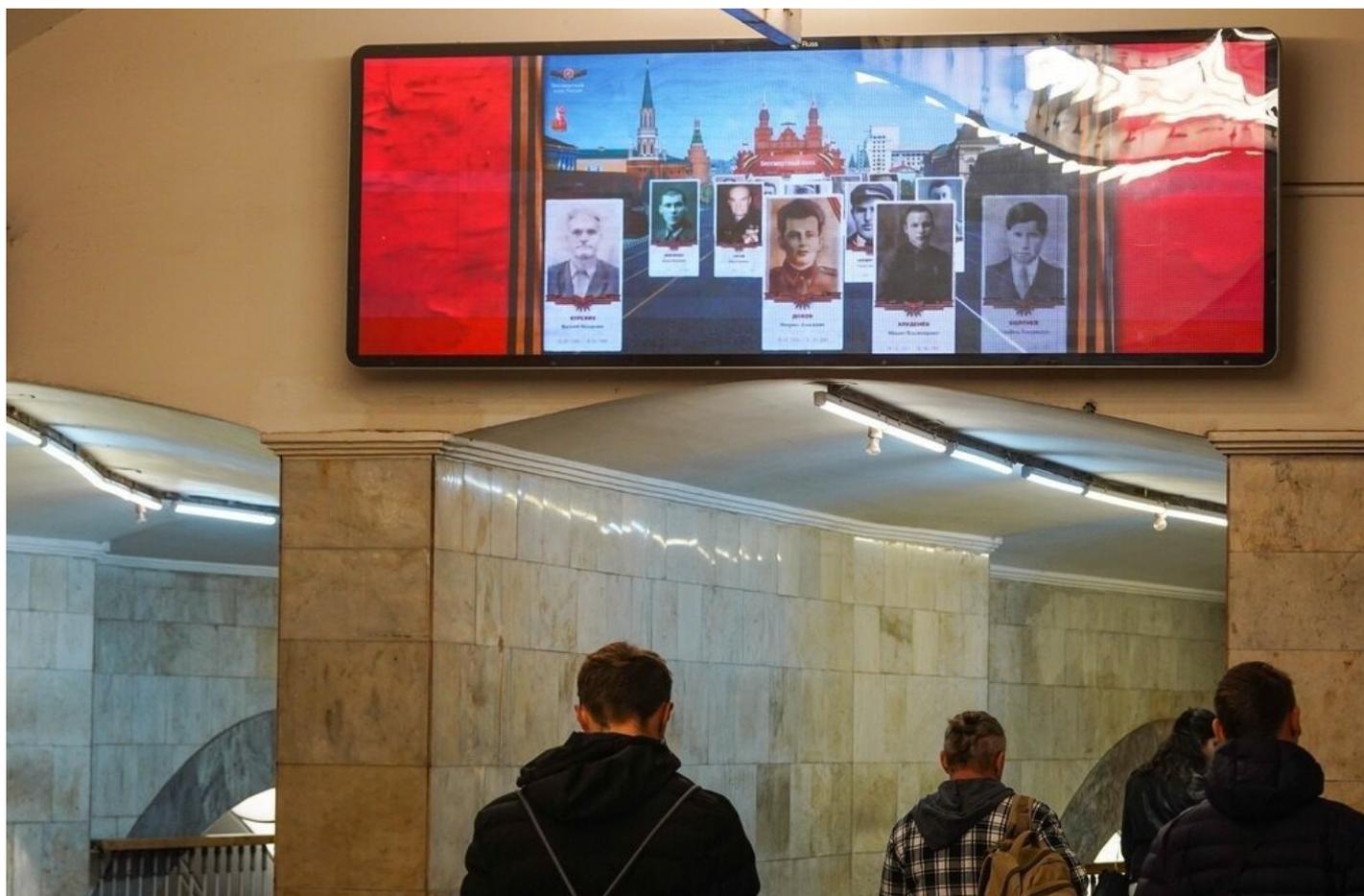

Фото: Агентство «Москва»

Символический капитал: валюта поля памяти

Когда Александр Солженицын опубликовал «Архипелаг ГУЛАГ», у него не было государственной должности. Не было административного ресурса, не было бюджета на пропаганду. Но его голос прозвучал громче, чем голоса всех агентов советской власти, вместе взятых. Почему?

Потому что у него был символический капитал — признание обществом ценности его слова. Солженицын прошел лагеря. Он говорил от имени миллионов замученных. Его текст был не просто литературой — он был свидетельством. И это свидетельство обладало колоссальной силой убеждения.

Символический капитал — это то, что позволяет актору соревноваться с агентами. Ветеран войны, рассказывающий о фронте, обладает им — потому что был там. Историк, проработавший в архивах десятилетия, обладает им — потому

что знает источники. Писатель, сумевший найти слова для невыразимого, обладает им — потому что создал убедительный нарратив.

Но символический капитал хрупок. Его можно подорвать дискредитацией. Можно размыть информационным шумом. Можно обесценить, создав альтернативных «экспертов» с противоположными выводами.

Вспомним историю с панфиловцами. Десятилетиями это был сакральный миф: 28 героев остановили немецкие танки под Москвой. Потом архивисты выяснили: история выдумана военным корреспондентом, реальные события были иными. Кажется бы, истина восторжествует?

Фото: Агентство «Москва»

Нет. Министр культуры Мединский заявил: «Это святая легенда, и трогать ее нельзя». Государство как агент решило, что символический капитал мифа важнее исторической точности. Почему? Потому что миф работает на государственный нарратив героизма и единства. А историческая правда его усложняет, добавляет нежелательные оттенки серого.

Получается парадокс: символический капитал может быть у агентов (государство, власть) и у акторов (историки, свидетели). Вопрос только, чей капитал в данный момент в цене? В каких условиях общество больше верит государству, а в каких — альтернативным голосам?

Авторы: архитекторы нарративов

Но есть еще одна роль, которая пронизывает и агентов, и акторов. Роль автора — того, кто превращает разрозненные

факты, воспоминания, эмоции в связное повествование. В нарратив.

Автором может быть писатель, создающий исторический роман. Режиссер, снимающий фильм о войне. Ученый, пишущий монографию. Бабушка, рассказывающая внукам о своем детстве. Каждый, кто структурирует прошлое в форме рассказа, — автор.

Почему это важно? Потому что форма определяет содержание. Одни и те же события можно рассказать как трагедию, как триумф, как фарс. Можно сделать героем царя или бунтаря, генерала или солдата, победителя или жертву. И от этого выбора зависит, какую правду мы увидим.

Возьмем фильм «Несокрушимый» (2018) — байопик о Серафиме Саровском. Формально это религиозное кино. Но посмотрите внимательнее: сюжет выстроен как боевик. Злодеи (разбойники, бесы) против героя (святого). Спецэффекты, драки, чудеса. Авторы (режиссер, сценарист) превратили житие в жанровое кино, понятное массовой аудитории.

Что они сделали?

Они адаптировали религиозную память под формат современного потребления. Перевели язык древних текстов на язык Голливуда. И миллионы зрителей увидели историю XIX века через призму блокбастера XXI.

Это и есть работа автора — создание моста между прошлым и настоящим через форму. Иногда эта форма упрощает, иногда искажает, иногда проясняет. Но без нее прошлое остается

мертвым грузом архивов.

Другой пример — «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Это не просто собрание фактов. Это литературная конструкция: документ + художественное повествование + публицистика. Солженицын как автор выбрал жанр «опыта художественного исследования», где личная история вплетена в историческое исследование. Форма усилила воздействие. Если бы он написал сухую монографию, эффект был бы во сто крат слабее.

Или возьмем советские учебники истории. Их авторы — профессора, академики. Но они не просто излагали факты. Они создавали нарратив: «От первобытного общества через классовую борьбу к коммунизму». Каждая глава была кирпичиком этого здания. События подбирались, интерпретировались, выстраивались в линию прогресса. Авторы учебников конструировали не только знание, но и веру в неизбежность советского будущего.

Двойственность ролей: когда агент становится актором

Но реальность сложнее схемы. Роли не закреплены раз и навсегда. Человек может быть агентом в одной ситуации и актором в другой. Может говорить от имени института и одновременно саботировать его изнутри.

Возьмем директора провинциального краеведческого музея. Официально он агент — государственный служащий, проводник культурной политики. Он обязан проводить выставки к памятным датам, организовывать патриотические мероприятия, выполнять спущенные сверху планы.

Но в его музее есть запасник. И там, среди пыльных стендов, хранятся экспонаты, которые не вписываются в официальный нарратив. Документы о раскулачивании. Письма репрессированных. Фотографии разрушенных церквей. Он не выставляет их публично — нельзя. Но он их сохраняет. И когда приходят потомки жертв, он тихо открывает архив, показывает документы, помогает восстановить семейную историю.

В этот момент директор музея — не агент государства, а актер альтернативной памяти. Он действует на своем страхе и риске, зная, что это может стоить ему должности. Почему он это делает? Потому что его личная память, его семейная история вступает в конфликт с институциональной ролью.

Человек не может до конца быть только агентом. Внутри него живет актер, который помнит другое.

Или обратный случай. Активист правозащитной организации, актер, борющийся за историческую правду. Но со временем его НКО получает западные гранты, превращается в бюрократическую структуру с отчетами, менеджментом, PR-стратегиями. Активист становится исполнительным директором, должен выполнять условия грантодателей, отчитываться о KPI. Постепенно он превращается в агента — только не государственного, а своей организации, которая навязывает ему правила игры.

Это не предательство. Это просто реальность поля памяти: роли текучи, границы размыты, и каждый из нас постоянно балансирует между разными позициями.

Габитус: как прошлое формирует позицию

Почему один человек становится агентом государства, другой — актором сопротивления, а третий пытается быть одновременно и тем, и другим? Французский социолог Пьер Бурдьё ввел понятие габитуса — системы устойчивых предрасположенностей, которые формируются жизненным опытом и определяют наше поведение.

Представьте двух людей одного возраста, живущих в одном городе. У первого дед был партийным функционером, проводил коллективизацию, получил орден за перевыполнение плана. У второго деда раскулачили, семью выслали в Сибирь, половина умерла от голода.

Фото: Агентство «Москва»

Для первого советское прошлое — это гордость, легитимность, преемственность. Он естественным образом тяготеет к роли агента, проводника государственного нарратива. Это не циничный выбор, а органичная позиция, вырастающая из семейной истории.

Для второго советское прошлое — это травма, несправедливость, боль. Он естественным образом тяготеет к роли актора, оспаривающего официальную версию. Он будет искать альтернативные источники, собирать свидетельства, требовать реабилитации. Это тоже не сознательное решение, а следствие габитуса, сформированного семейной памятью.

Габитус — это призма, через которую мы смотрим на прошлое. Она делает одни интерпретации «естественными», а другие — «невозможными».

Потомку раскулаченного крестьянина физически трудно воспринять коллективизацию как «прогрессивное преобразование деревни». Потомку партийного работника физически трудно воспринять сталинские репрессии как «геноцид собственного народа».

Но габитус — не приговор. Он определяет склонности, а не судьбу. Бывают люди, которые совершают «предательство класса» — вырастают в семье палачей, но становятся защитниками жертв. Или наоборот — вырастают в семье жертв, но выбирают карьеру в системе, которая этих жертв создала.

Почему? Иногда — из прагматизма. Иногда — из идеологической убежденности. Иногда — из попытки примирить противоречия, найти третий путь. Но каждый такой выбор болезнен, потому что разрывает связь с семейной традицией.

Эпилог: театр, где все играют несколько ролей

Итак, что мы поняли? Поле памяти — это не простое столкновение государства и общества. Это сложная игра множества участников, каждый из которых может выступать в разных ролях.

- **Агенты** обладают институциональной силой, но зависят от прочности институтов. Когда система стабильна, они диктуют правила. Когда она трещит, их власть над прошлым испаряется.
- **Актеры** слабее в ресурсах, но часто сильнее в символическом капитале. Их версии прошлого могут казаться

маргинальными, пока не наступает момент кризиса — и вдруг выясняется, что именно им верят.

- **Авторы** создают формы, в которых прошлое предстает перед нами. Они переводят архивную пыль в живые образы, превращают статистику в судьбы, конструируют нарративы, которые определяют наше восприятие истории.

И самое главное: эти роли не существуют по отдельности. Каждый из нас — немного агент (когда повторяем школьные стереотипы), немного актер (когда храним семейную память), немного автор (когда рассказываем историю по-своему). Вопрос только, какая роль доминирует в каждый конкретный момент.

Мы разобрались с тем, кто играет на поле памяти. Но остался вопрос: откуда берется энергия этой игры? Почему споры о прошлом так накалены? Почему люди готовы драться за правильную интерпретацию событий столетней давности? Почему память — не просто информация, а страсть?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно понять физику поля памяти. Нужно увидеть, как накапливается социальная напряженность, как противоречия превращаются в конфликты, как энергия прошлого взрывает настоящее. Об этом — следующая статья.

* Внесено властями РФ в реестр «иноагентов», международная структура объявлена нежелательной организацией

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Поле памяти](#)

Часть 7. Прошлое становится ареной битвы

17:11, 10 февраля 2026, Алексей Семенов-Труайя